

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Б

И

Б

Л

И

О

Т

Е

Ч

К

А

ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА
В. ВОЛКОВ

НА
ПЕРЕКРЕСТКЕ
ОРБИТ

Герой Советского
Союза
В. ВОЛКОВ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ОРБИТ

Записки летчика-космонавта

«Наш специальный корреспондент Владислав Волков на борту космического корабля...»

Этими словами начиналась заметка, опубликованная в «Красной звезде» 14 октября 1969 года. В ней рассказывалось, что бортинженер «Союза-7» стартовал в космос с командировочным предписанием редакции и удостоверением специального корреспондента. Его первый репортаж с орбиты видели и слышали миллионы телезрителей планеты Земля.

В этом выпуске «Библиотечки» публикуются подробные записки летчика-космонавта СССР Героя Советского Союза Владислава Николаевича Волкова. Это рассказ о заветной мечте, о товарищах, о полете, о себе.

В. Волков

ПЕРВЫЙ ШАГ

Как я стал космонавтом? Каким путем вышел на перекресток орбит? Эти вопросы мне задавали после полета многие: и устно, и в письмах. Тем, кто спрашивал, они, наверное, казались естественными и простыми. Так, собственно, думалось и мне, когда я слушал рассказы Юрия Гагарина, Германа Титова, других космонавтов. Когда же пришлось отвечать самому, вопросы поставили в тупик. Сказать, что это была заветная мечта, призвание или просто удача — значит ничего не сказать.

И вот уже я сам терзаюсь вопросом: «А как? Когда же был сделан тот первый шаг? И почему именно тот, а не другой?..»

Моя судьба — это судьба многих молодых людей, которых властно влечет космос, потребность по большому счету испытать себя в трудном деле. Я давно, еще в детстве, сделал для себя выбор. Отчасти, наверное, потому, что отец и мать мои работали в свое время в авиационной промышленности, много лет отдали самолетостроению. Их увлеченность, видимо, передалась и мне. Я мечтал стать летчиком-испытателем. Конечно же, самых новых самолетов...

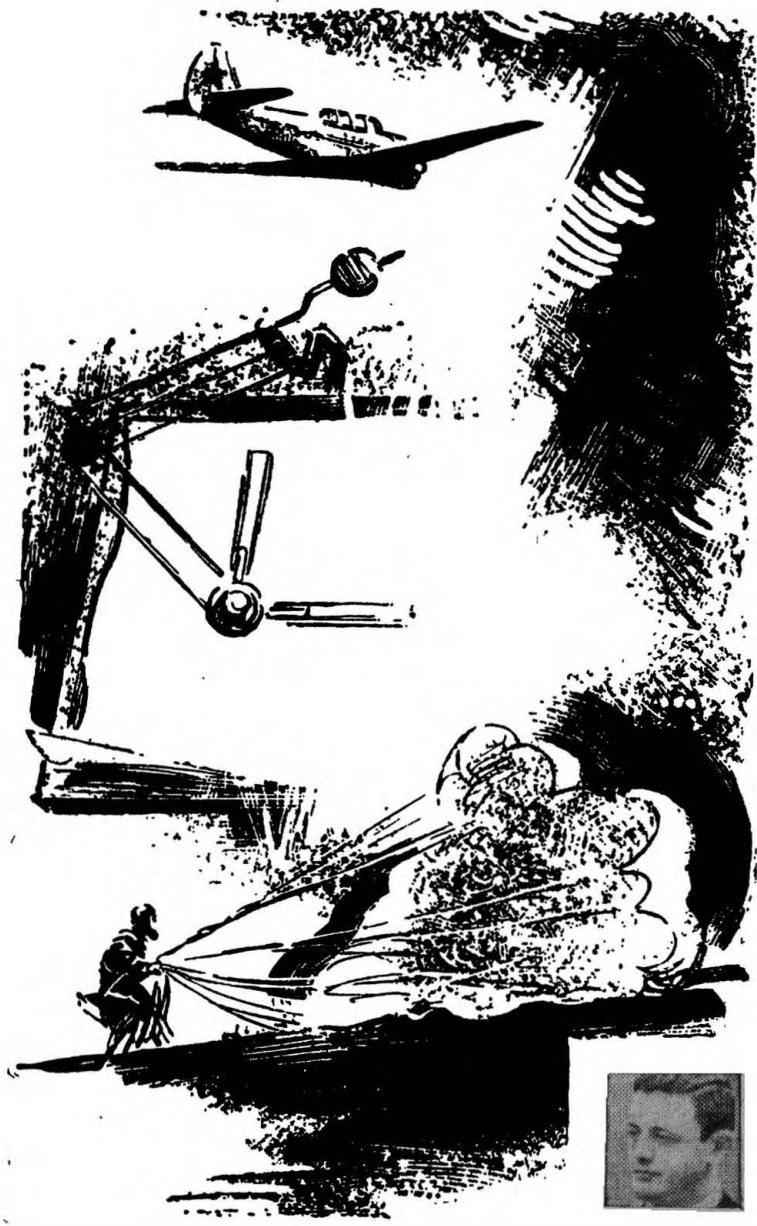
Как стал космонавтом — это уже отдельная история. Началась она с того, что в летчики я не попал. Точнее, «отложил» полеты на некоторое время. Так посоветовал дядя — брат матери Петр Михайлович Котов. Он был для меня авторитетом. Причин на то много. Во-первых, через всю войну прошел, на разных самолетах летал, в какие только переделки не попадал; во-вторых, вся прудь в орденах и медалях, а их зря не дают.

Дядя толковал просто: «Летать — дело не мудреное. Хорошо летать — это, брат, посложнее. А вот испытателем стать по нынешним временам совсем не просто. Начинать надо не с того, что учиться летать. Будешь очень хотеть, это от тебя не уйдет. Прежде нужно познать науку. И не одну, а самые разные. Без них ты воздушный извозчик, а не испытатель».

Без вроде бы правильно, резонно. Но попробуйте в семнадцать лет отказаться от выношенной и выстраданной (это именно так) мечты, отложить ее на неопределенный срок.

...Жили мы неподалеку от Тушино, где каждый день взлетали и садились самолеты, плыли по чистому небу разноцветные парашютные купола. Здесь каждый мальчишка грезил о небе. Когда пришло время решать, я подал документы в Московский авиационный институт.

Учеба не позволяла отвлекаться на второстепенные дела, делить сердце пополам. О полетах пришлось забыть. После окончания института меня направили в конструкторское бюро. Но тайне мечтал о том, что когда-нибудь я все-таки полечу.

Когда-нибудь... Нет, такая неопределенность меня не устраивала. Такой уж характер. Я, как и другие молодые ребята с нашего предприятия, сам искал пути в кабину космического корабля. Когда вдруг узнал, что в список кандидатов в космонавты меня не включили, добился встречи с Главным конструктором. Тот, выслушав все обиды, спокойно ответил:

— Молод еще, успеешь... Не всем же летать на космических кораблях. Должен же кто-то и другими делами заниматься...

Я возражал, доказывал свое право на полет, говорил, что здоров, учился в аэроклубе, прыгал с парашютом. Пусть только один раз, но прыгал. Горячился, приводил массу доводов, ссылался на своих кумиров: летчиков Анохина, Мосолова, Ильюшина... Впрочем, на свою мечту я смотрел, может быть, несколько эгоистично, старался постичь то, что было недоступно (по возрасту или по здоровью) другим инженерам — самому проверить и прочувствовать корабль в полете. Хотел научиться управлять космической техникой, воспитать в себе такую смекалку испытателя, чтобы потом смело браться за новое дело.

Будучи уже инженером, снова поступил в аэроклуб. Нелегко совмещать серьезную и ответственную работу, командировки и занятия вроде бы с совсем посторонним делом, колесить на всех видах городского и загородного транспорта. Но аэроклуб закончил. Как-то после полета на поршневом Яке сказал инструктору: «Буду летать и на реактивных. Буду!».

В те годы я торопил жизнь, не пропускал мимо ничего, что могло быть хоть как-то полезно будущей работе. На вопрос: «Кто меня сделал таким?» — отвечу без колебаний: отец. И это правда. Отца я копировал во многом, подражал ему, учился у него.

У меня нет друга лучше. Отец никогда не навязывал мне своих мыслей, но так умел делать, что я сам приходил к его принципам. Он по-настоящему предан работе и партии и всегда хотел видеть меня коммунистом. «Усилием воли можно организовать себя, подавить страх, приучить себя к честности, бескорыстно и с полной отдачей выполнять работу, связанную с определенной опасностью», — так говорил отец. Так старался поступать и я.

Отец счастливый человек, современный во всем — во вкусах к литературе, музыке, живописи. Он очень здорово рисует, хорошо играет. С ним можно говорить и спорить обо всем: о спутниках и футбольном первенстве, о новинках литературы и театре на Таганке... Каждый раз, когда я узнаю его суждения и мысли, чувствую, что вижу по-новому то, что успело уже мелькнуться... Честное слово, было бы здорово, если бы я и брат обладали хотя бы половиной тех знаний, которые имеет отец. К тому же он пишет. И мне очень хочется написать когда-нибудь книгу о нашем времени, о его событиях, об отце...

лах и свершениях, мы знаем, что жизненный подвиг двух коммунистов всегда будет звать к штурму Вселенной.

Вспоминается и моя первая встреча с Байконуром. То был август 1962 года. Готовился запуск двух пилотируемых кораблей, первый совместный полет «Востоков», которые должны были выйти на перекресток орбит. Впервые я увидел собственными глазами, как стартуют космические гиганты с Байконура.

Семь лет... Много это или мало? В масштабах космоса — это мгновение. А вот в масштабах дел людских — целая эпоха. Старты спутников, старты лунных ракет, полеты к Марсу и Венере. На смену «Востокам» пришли «Восходы» и «Союзы» — многоместные корабли. Историкам, которые будут описывать этот период, вряд ли удастся вместить все события начала космической эры в один том...

Программа полета трех «Союзов» уже расписана в наших боржурналах. Мы выполним программу. Это я твердо знаю. В этом убеждены все: кто будет стартовать в космос и кто останется на Земле. Ведь этот полет мы посвящаем великому юбилею — 100-летию со дня рождения основателя нашей партии и первого в мире государства рабочих и крестьян Владимира Ильича Ленина.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

НАС ОСТАЛОСЬ ПЯТЕРО

И вот он, 11-й день октября. Начинаем его легкой разминкой в зале. В 8.00 собрались на завтрак. За одним длинным столом — основные экипажи и дублеры. Сегодня пицца еще земная, но в меньших, чем обычно, количествах: кусочек мяса, ломтик белого хлеба, стакан сока.

Разговор не клеился, на шутки никто не реагировал. Ели молча, лишь изредка улыбались, чтобы не обидеть неугомонных весельчаков. Каждый думал о своем, хотелось тишины и того самого внутреннего единения, которое позволяет сосредоточиться.

Георгий Шонин и Валерий Кубасов позавтракали первыми и ушли к врачам. Последний предстартовый осмотр.

Перед отъездом на стартовую площадку вся семерка — Шонин, Кубасов, Филиппченко, Горбатко, Шаталов, Елисеев и я — собрались в комнате, где жил экипаж «Союза-6». По традиции сели, помолчали минутку. Разом вздохнули полной грудью и запели:

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь...

В холл гостиницы пришли космонавты, дублеры, врачи, инженеры... Краткие напутствия, крепкие мужские рукопожатия. Тронулся и скрылся за поворотом автобус и сопровождающие его машины, а мы еще долго стояли и смотрели ему вслед, терзаясь, что так и не успели сказать товарищам все те теплые слова, что были у каждого на душе.

...В гостинице «Космонавт» нас осталось пятеро. Завтра уедут на старт еще трое. Но уже сейчас чувствуется отсутствие тех, кто здесь обосновался. Аккуратно заправлены кровати в комнате Кубасова и Шоница. На столе — книги, пачка исписанных листов бумаги. У зеркала — чей-то бритвенный прибор... Все это будет ждать возвращения ребят.

— Убери лишнее в шкаф, — попросил меня перед отъездом Валерий. Выполнив его просьбу, укрожу, прикрыв дверь опустевшей комнаты.

— Завтра займись твоими вещами, — шутит дублер. — Надеюсь, что все оставишь в таком же порядке.

— Надейся...

Странное состояние. Заняться ничем не хочется. Раздумывать — тоже. Уже все сделано и все передумано. Чертовски медленно тянется время. Постоянно (это уже стало какой-то навязчивой потребностью) смотрю на часы. Стрелки ручного хронометра словно прилипли к циферблату. Хочется, чтобы как можно скорее наступил завтрашний день. И послезавтрашний тоже. Ведь на космическом перекрестке должны встретиться сразу три корабля.

...Ветер хлестал колючим дождем в стекла холла. По серому, как земля, небу неслись тучи, казалось, им не будет конца. Но вот очередной порыв буйствующего степняка разорвал на небе мгlistую пелену. Солнечный зайчик пробежал через зал, скользнул лучом по зеленому сукну бильярда, ударил в костяной шар, но тот так и остался неподвижно лежать у борта...

Все заторопились к телевизору. Я тоже. Смотрим, как наши товарищи «обживают» корабль «Союз-6», слышим их голоса. Земля и борт обмениваются последними командами. Когда ракета ушла ввысь, выскакиваем во двор, чтобы посмотреть ее огненный след. Стоим, задрав головы, но, кроме облаков и дождя, ничего не видим. Только ветер доносит раскаты грома. Звук тает во влажном воздухе...

Тихо в гостинице. Все разбрелись по своим углам. Листаю бортжурнал и в который раз перечитываю его страницы, где написана вся программа нашего полета по виткам, часам и минутам.

И еще — вспоминаю тот самый день.

НАВСЕГДА В ПАМЯТИ

Накануне заскочивший в нашу комнату знакомый инженер как бы между прочим спросил: «А ты будешь на беседе у С. П.?» — и исчез. Когда до меня дошел смысл его слов, я кинулся искать Виталия. Тот всегда все знает. Поймав его в коридоре, схватил за плечи и стал трясти:

— Когда? Где?

Виталий оторопел. Потом вырвался из моих рук, передернул недовольно плечами — хотел обидеться за такое обращение, но неожиданно спокойно ответил:

— Завтра в пять Сергей Павлович Королев встречается с инженерами, которые...

Конец фразы я уже не слышал. Уловив главное, я мчался к себе в отдел, чтобы убедить начальство: мне надо попасть к академику Королеву.

В назначенное время группа молодых инженеров собралась в приемной конструктора. Трудно передать словами то волнение, которое испытывал каждый из нас.

Академик окинул всех внимательным взглядом. Потом спросил:

— Зачем вы собираетесь лететь в космос?

Первым отвечал инженер по имени Володя: «Приключения нас не пугают. Будем побеждать трудности».

Сергею Павловичу ответ не очень понравился.

— Мы сейчас стараемся делать такие корабли, чтобы на них могли летать даже 70-летние старцы, а вы говорите о приключениях...

Каждому из нас Сергей Павлович задал по несколько вопросов, словно испытывая на прочность серьезность наших намерений.

Выслушав всех, конструктор сказал, что встал вопрос о необходимости включать в экипажи людей инженерной профессии. Техника шагает вперед, так что инженерам предстоит много работы в космосе. Сейчас даже трудно представить весь ее объем: испытания кораблей, монтаж, строительство космических станций, научные эксперименты — все это нужно уметь делать там, в суровом и загадочном мире звезд и планет.

Несколько дней я с трудом подавлял в себе рвущееся наружу чувство опьяняющей взволнованности, захлестывающую меня потребность немедленно, сию минуту взяться за какое-нибудь самое трудное и тяжелое дело. Лишь бы почувствовать, что хоть на шаг, хоть на чуть-чуть продвинулся к цели, к мечте. Не страшили никакие испытания — гору свернул бы. А нужно было всего-навсего продолжать свою обычную работу и... ждать.

Шли дни, недели, месяцы. И вот все, кто был тогда у С. П. Королева, опять собрались вместе.

Ничего особенного не произошло за это время, вроде и я не изменился, хотя, конечно, многое передумал, размышляя о будущем. Но когда нам объявили, что с этого дня начинается подготовка к тому, главному, вместе с облегчением — закончилось тягучее ожидание — пришло вдруг непонятное волнение. Такое, как бывает, наверно, в бою перед атакой.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

НОЧЬ ПЕРЕД СТАРТОМ

Вечером — кинофильм. Заказывали сами. Решили не мудрить — для разрядки посмотреть «Кавказскую пленницу». После сеанса собираемся экипажем. Одни. Потолковать.

Вышли на балкон. Тихо вокруг. Рубинами горят красные огоньки на телевизионной вышке «Звездограда», где-то в стороне сигналит машина. Молчим.

Поеживаясь от ночной прохлады, вспоминаю спешку, с которой уезжал из дома. Жена собрала небольшой чемодан, уговаривала взять пальто. Тогда я отказался, а сейчас жалею.

Помню настороженные, вопрошающие глаза сына. Потрепав его шевелюру, с наигранным равнодушием бросаю:

— В командировку, Володька. Скоро вернусь.

Сын еще долго не ложился спать, крутился около меня и перед самым моим уходом сунул мне в чемодан маленькую коробочку.

— Это еще что? — спрашиваю.

— Земля... Возьми, пожалуйста, с собой...

Голос Филипченко прервал мои думы.

— Холодновато. Пойдемте в комнату, там поговорим.

Когда сели за стол, все трое, не сговариваясь, достали бортжурналы и открыли первую страницу. Анатолий Филипченко обвел нас командирским взглядом, спросил:

-- Как у тебя, Вадим?

— Нормально, — отвечаю.

— Давай проиграем первый виток...

Интересным был этот поздний разговор. Ребята то замолкали надолго, то начинали говорить все вместе о долгожданном завтрашнем дне.

Трое нас в экипаже: два летчика, один инженер. Точнее, два инженера. Виктор Горбатко окончил Военно-воздушную академию имени профессора Н. Е. Жуковского. Он и Анатолий Филипченко — крепкие, надежные парни, смелости и мужества им не занимать, умения и навыков — тоже. Я знаю, они не обой-

дут трудности стороной. Филипченко многое повидал в жизни. Но об этом я услышал не от него. О себе он говорить не любит,

Можно многое рассказать о том, как он готовился к своему первому старту, как помогал нам, своим товарищам по экипажу. И во всем этом проявился характер командира «Союза-7»: строгость к себе и другим, выдержка, настойчивость, стремление к совершенству.

Биография Виктора Горбатко сродни той, что у командира корабля. Наверно, поэтому они схожи и по характеру. За плечами Виктора годы напряженных тренировок, настойчивой работы над собой. Для этого нужно незаурядное упорство. Меня лично поражает в нем его необыкновенная добросовестность во всем, верность слову и делу.

...За первым витком — второй, третий, четвертый... Толковали долго, пока не пришел врач и не скомандовал: «Пора спать».

И снова думы о том, что скорее бы пришло это завтра. Мысли о предстоящем и столь желанном — сумбурные, больше эмоциональные, чем о конкретной работе, они постепенно вошли в колею последовательных представлений о том, как все будет происходить: «Сначала мы сядем в корабль, потом сделаем это, потом то, потом.... Потом будем взлетать...»

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ОСТАЕТСЯ 2 ЧАСА

В космос провожают по-особому. Людно на стартовой площадке, людно на фермах обслуживания...

Выходим из автобуса. В глаза ударяет не по-осеннему яркое солнце. Погода за нас. Настроение приподнятое.

Анатолий Филипченко негромко, но строго командует: «Раз!» — и все трое мы одновременно шагнули к ракете.

Командир докладывает председателю Государственной комиссии о готовности экипажа к полету. Председатель комиссии дает разрешение на посадку в корабль, желает нам счастливого пути. Направляемся к лифту. Впереди — Анатолий Филипченко. Захлопнулись дверцы металлической клетки. Подъем.

На верхней площадке нас встречают стартовики. Смотрим вниз. Маленькими кажутся отсюда люди, стоящие у подножия ракеты. Со многими из них — инженерами, рабочими, техниками — я знаком. Это они готовили к старту наш замечательный корабль, сделали все для успеха в космосе. Теперь они как бы вручают нам свое детище.

Волнующие минуты. Остро ощущаешь, как высоки оказан-

ные нам честь и доверие — завершить огромный труд множества советских людей, создавших это чудо космического века.

Посадка в корабль. Снимаем «транспортную» одежду и остаемся в полетных костюмах. Осматриваем орбитальный отсек: все ли взяли, все ли на месте. Порядок. Занимаем рабочие места, подгоняем подвесные системы кресел. Сквозь иллюминаторы голубеет небо — значит, обтекатель еще не закрыт.

Но вот задраен люк корабля, закрыты крышки обтекателя. Сразу стало темно, включаем светильники внутреннего освещения. Остаемся одни. Внизу земля, вверху космос. Мы где-то между ними.

До того, как прозвучит последняя команда, остается два часа. За это время мы должны проверить все бортовое оборудование и подготовиться к старту. Теперь уже стрелки часов не стоят на месте. Свободные минуты останутся лишь в самом конце этого завершающего этапа на пути в космос.

Позывной нашего экипажа «Буран». Филиппченко — «Буран-Один», я — «Буран-Два», Горбатко — «Буран-Три». И все-таки мы — просто «Буран». За годы знакомства и месяцы тренировок все трое привыкли друг к другу, сработались, как говорят, притерлись.

Разные мы по характеру, не схожи наши вкусы, у каждого свои любимые книги. Собраться нам в культпоход не так-то просто. Один будет звать в Третьяковку, другой — в «Современник», третий — в Лужники. Мы «болеем» за разные футбольные команды, мечтаем о разных походных маршрутах...

Над нами одно небо. В нем мы все трое становились на крылья: ребята в авиационных училищах, я в аэроклубе. У нас под ногами одна земля, наша, советская, на которой мы все родились. Мы единомышленники по партии, партии Ленина. У нас одна цель, одни задачи. Мы все в ответе за наше общее дело, за наш полет.

Сказать, что все у нас шло гладко, без срывов, без споров, — будет неправдой. Всякое случалось. Были обиды, споры до хрипоты... Но не было разлада. Все это не разъединяло, а, наоборот, объединяло нас, сближало. Помощь товарищу во всем — в большом и малом, в личном и общем — стала законом для экипажа «Союза-7». Впрочем, по этому же закону жили и другие наши экипажи.

Мы вместе разбирались в сложнейших схемах корабля, вместе отработывали каждый пункт программы полета, вместе готовились к государственному экзамену. Пятерки в итоговой графе были победой каждого и всех.

— «Буран», как слышите меня? Я — «Заря».

Анатолий, Виктор и я приступили к работе. Много раз мы выполняли все эти операции в кабине корабля-тренажера. До мелочей знакомы окружающие нас табло, приборы, тумблеры,

индикаторы, рукоятки, привычно и обращение с ними. Оттого и сейчас такое чувство, что мы на очередной тренировке. Ведь мы уже много раз летали в космос, как говорят, понарошку. Но ни разу — по-настоящему.

Это случится сегодня, вот сейчас, после всего того, что осталось позади...

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

СТРОКИ ИЗ ДНЕВНИКА

27 июня 1966 года.

Сегодня по плану подготовки — парашютные прыжки. Для некоторых из нас — впервые, для меня — во второй раз. Тщательно проверяем парашюты. Новички заметно нервничают. Когда примеряли комбинезоны, шутили, посмеивались друг над другом. Но все это получалось как-то не очень естественно. В самолет сажались сосредоточенные, в тишине.

Высотомер показывает 750 метров. Инструктор распахивает люк. Вижу землю. Почему-то высота кажется необыкновенно большой. Волнений нет: уже как-то свикся с мыслью, что все равно прыгну. сосед слева кричит в ухо:

— Посмотри на ребят!

Показывает на тех, кто впервые в жизни шагнет в пустоту. На их лицах — напряжение, неподвижность. Мне тоже не по себе.

Сирена. Наша четверка дружно встает. Инструктор ободряюще подмигивает. Снова сирена, и тут же команда: «Пошел!» В лицо упруго ударяет тугой воздух. Рывок, и все как будто замерло. Тишина, в ушах какой-то звон.

Купол в порядке. Оглядываюсь по сторонам. Вижу еще несколько парашютов: это мои товарищи. Внизу — узенький серый шнурок шоссе, переброшенный через поблескивающую ленту реки. Меня несет прямо на аэродром. Делаю несколько пробных разворотов. Получается. Это меня совсем успокаивает. Жду приземления.

Как ни готовился, земля подступила совершенно неожиданно. Стараюсь все делать, как учили на земле: ноги вместе и чуть-чуть вперед. Крепко ударяюсь ногами и валюсь на бок. Быстро встаю, собираю парашют. Не замечаю, как за мной подехала машина. Очень довольный руководитель группы поздравляет с благополучным приземлением. Приятно.

6 июля.

Познакомились с учебно-тренировочным реактивным самолетом МИГ-15. Будем на нем летать. Сегодня как раз первый вылет. Погода отличная. Скорее бы в воздух, но моя очередь третья.

Наконец дождался. Сажусь в кабину. Впереди — инструктор Леонид Денисович Рыбиков.

Набрана высота. Начинаем фигуры высшего пилотажа. Они следуют одна за другой. Так вот какие они, перегрузки.

...Все идет как нельзя лучше. Тренировки, занятия, полеты плотно заполняют дни. Странно, но не надоедает, наоборот, увлекаешься. Все ребята работают с упоением.

5 августа.

На днях снова примеряли полетные костюмы. А сегодня всех собрали для какого-то важного сообщения. Наверное, объявят примерный состав экипажей космических кораблей.

Ждем. Трудно передать состояние того внутреннего напряжения, которое испытал, наверное, каждый из нас. Мысли проносились одна за другой, даже не мысли, а какие-то обрывки, путанные, отвлеченные...

Не знаю почему, но мне вдруг вспомнились слова замечательного авиационного конструктора Семена Алексеевича Лавочкина: «Человек не может выбирать себе наружность: с какой родился, с той и живи. Карие глаза не сменишь на голубые, как бы этого ни хотелось. Но зато человек имеет возможность выбирать более важную вещь — характер... Хочешь быть настойчивым? С детства приучай себя не отступать перед трудностями, доводить дело до конца, это войдет в привычку и, когда вырастишь, ты всегда и во всем будешь проявлять это великолепное качество — настойчивость. Я убежден, что человек может быть таким, каким он хочет».

Этому же учил меня и отец...

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

«НУ, ПОЕХАЛИ!»

В корабле звучит музыка. Это Земля передает на борт маленькую концертную программу. «Заря» голосом Георгия Берегового интересуются нашим настроением и самочувствием. Отвечаем: «Все в норме!»

— Может быть, сами споем? — предлагаю ребятам.

В три голоса исполняем «С чего начинается Родина». Поем дружно, не пропуская ни одного куплета.

Земля предупреждает: «Готовность пять минут». Затягиваем привязные ремни. Ждем. Чувствуем, как качнулась ракета. Это отошла кабель-мачта. Из спускового бунера выдаются предстартовые команды:

- Ключ — на старт!
- Протяжка один!
- Продувка!
- Ключ — на дренаж!

- Пуск!
- Протяжка два!
- Земля — борт!
- Зажигание!..

Послышался нарастающий шум двигателей. Ракета пошла. Мы это почувствовали по кратковременному рывку, словно кто-то подтолкнул всю эту громадину. Потом — плавный подъем. Наверное, именно в этот момент Юрий Гагарин произнес запомнившиеся всем слова: «Ну, поехали!»

— Счастливого пути, мушкетеры! — Это кричал в микрофон Георгий Береговой. — Двигатели работают устойчиво!..

Мы и сами чувствовали, что все идет нормально. Ракета слегка подрагивала. Когда отработала первая ступень, мне показалось, что на какую-то секунду ракета остановилась. Говорю об этом Анатолию. Он смеется:

— Теперь нас уже ничто не остановит.

Про себя думаю: а ведь он прав.

Начали расти перегрузки. Расты постепенно и до малых значений. На центрифуге во время тренировок приходилось испытывать и побольше.

Пробую оторвать голову от ложементов кресла, приподняться, пошевелить руками. Получается.

Ракета вибрирует. Мы пытаемся определить направление и частоту вибрации. Чтобы передать это на Землю, Филиппенко в такт колебаниям водит рукой перед объективом телекамеры. Ощущение такое, будто мы едем по ухабистой дороге. «Ничего, потерпим!»

Еще один толчок. Сброшен обтекатель. В иллюминаторе черное-черное небо. Но рассматривать его некогда. Все внимание на пульт. Три пары глаз контролируют работу бортовых систем.

Третья ступень включилась очень плавно. Даже не заметили, как это произошло. Засекаем время. Точно по расчету выключаются двигатели, и снова такое ощущение, будто все остановилось. Кажется, что я вишу вниз головой. Горизонт Земли, который просматривался в иллюминатор, плывет где-то подо мной. Такая иллюзия не только у меня. Анатолий и Виктор тоже испытали подобное чувство. Длилось оно буквально секунды. Потом все стало на свои места.

Заработали бортовые часы и глобус. Начался полет по орбите. Мы поздравляем друг друга с выходом нашего «Союза» на космическую трассу. Настроение превосходнейшее, но эмоции в сторону. Надо работать.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ВОТ ТЫ КАКОЙ, КОСМОС!

Рой светящихся частиц несется за иллюминаторами. Маленькие и большие, они бегут, суеются, играют своими веселыми блестящими, создавая удивительную картину. Их так много, что за ними не видно звезд. Но вот они исчезают, и на черном небе вспыхивают мириады звездочек. Их гораздо больше, чем видно с Земли. Нахожу среди них созвездие Ориона. Ярким и очень красивым видится оно в космосе. То, что мы привыкли наблюдать с Земли, совсем не похоже на представшее перед нашими глазами здесь, на орбите. Вот ты какой, космос!

А невесомость?

Ее появление мы заметили не сразу. Во время тренировочных полетов на самолете все было совсем иным. Там, в «бассейне невесомости», мы ожидали ее появления с каким-то волнующим трепетом. Сначала наступали перегрузки. Потом — вспыхивало предупреждающее табло: «Внимание, невесомость!» И вот наступал момент, когда все внутри словно приподнималось, душа замирала, какое-то непривычно странное и даже неприятное ощущение охватывало все тело. Потом наступала удивительная легкость.

В корабле мы не ощутили всего этого. Не было неприятного чувства, не было томительного ожидания, напряженности. Невесомость нагрянула как-то вдруг. Словно подкралась. Момент ее наступления я не уловил. Заметил лишь, что некоторые вещи стали парить по кабине. Сдернул с головы шлемофон и отпустил. Он поплыл.

Мы с Виктором отстегнули привязные ремни, легко выбрались из кресел, открыли люк-лаз спускаемого аппарата и перешли в орбитальный отсек. Прежде чем начать раскладку «рабочего инструмента» — научных приборов, фотокамер, секстантов, астродатчиков, попробовали сделать несколько закруток и кувыркнов в кабине. Все получалось очень легко и просто. Неприятных ощущений не было.

Не зря мы так много тренировались. Работа на специальных стендах, полеты на самолете-лаборатории, тренировка вестибулярного аппарата на Земле — все это сыграло свою роль. Сюрпризов и неожиданностей не было. Космос не смог лишить нас главного — работоспособности.

Впрочем, одна неожиданность была. В момент, когда я вылезал из кресла, мне показалось, что, отталкиваясь от него, я раскачиваю корабль. Наверное, каждому знакомое ощущение качки, когда идешь вдоль лодки, плывущей по реке.

Первая мысль: «Неужто можно вот так легко раскачать такую махину, как наш многоместный «Союз»?» Обращаюсь с вопросом к ребятам. Они пожимают плечами:

— Летим нормально!

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ЦЕНА НАДЕЖДЫ

Начали основную работу. Дел по горло. Они отвлекают от дум, но прошлое из памяти не выкинешь.

9 августа 1966 года.

Один из нас в сердцах назвал то 5 августа днем «угасших надежд». До сих пор как-то обидно. Ведь человек всегда задает себе вопрос: «А почему не я?»

Ну ладно, эмоции в сторону. Надо работать. Впереди еще хватит интересного и сложного дела.

Начали заниматься на тренажере. Приятная неожиданность: руководил тренировкой мой хороший приятель.

20 августа.

Дни идут, похожие один на другой, как патроны в обойме. Но сегодняшний из обоймы выпал. Проходили обследование в барокамере. Во время «подъема» на высоту один из нашей четверки почувствовал себя плохо. Испытание прекратили.

На душе стало тревожно от этого загадочного и неприятного происшествия: парень физически крепкий, и «высота», на которой все произошло, совсем не велика. Все искренне переживали случившееся, и я вдруг ясно увидел, как сблизились мы за это время. Наверно, общие интересы, трудности и тревоги особенно быстро и надежно сплавляют людей. И еще подумал, как здорово, что нет между нами даже тени какой бы то ни было конкуренции. Впрочем, здесь, по-моему, иначе просто невозможно.

Сегодня суббота и я попал домой. Все-таки здорово быть дома. Жалко только, что нет моего сынишки. Володька в пин-онёрлагере.

25 августа.

Уже начало темнеть, когда дошла очередь до нашей группы отработать выход из спускаемого аппарата космического корабля при посадке на воду. Работали весело, и все получалось, как надо. Рекорда, правда, не поставили, но справились с заданием быстрее нормы.

Только когда очутились в море, вдохнули полной грудью соленый и влажный воздух, почувствовали блаженную усталость. Даем ракету. Феерическое зрелище! Ярко-алый сноп повис над темной поверхностью моря, окрасив багровым цветом покачивающийся на легкой волне аппарат и ставшие какими-то незнакомыми лица товарищей.

31 августа.

Беседа с генералом Каманиным была недолгой. Он рассказал в общих чертах, какая в дальнейшем будет программа подготовки. Назвал фамилии очередных четырех кандидатов. Среди них меня снова нет. Чувствую в горле комок, мннутую расте-

рянность: «В чем же дело? Ведь у меня получается не хуже, чем у других?»

И тут почти физически ощущаю, как нарастает, заполняет всего меня решимость добиться-таки своего. Значит, надо больше работать, не давать себе ни малейшей поблажки, не жалеть пота.

Я еще злился на себя, когда после очередного медицинского обследования нас направили на центрифугу. Перегруз-ка — продольная 5. Выдержал нормально.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ПРОСТО РАБОТА

Эфир доносит до нас позывные других кораблей. «Антей» и «Гранит» успешно выполняют свою программу. Скоро мы встретимся на космическом перекрестке, а пока пробуем вручную ориентировать наш «Союз», фотографируем район Каспийского моря, отработываем элементы автономной навигации, проводим медико-биологические исследования.

Над тремя разными районами планеты плывут наши корабли. Когда нет прямой связи, пользуемся услугами спутника «Молния-1», научно-исследовательских судов Академии наук СССР.

Корабль «Союз» оборудован целым рядом автономных систем, которые позволили нам без подсказки Земли получать навигационные данные, вручную ориентировать корабль, выполнять сложные маневры, закручивать его и вновь стабилизировать. Все системы управления кораблем действовали безотказно. В полете было много и других задач: изучалась зрительная работоспособность операторов, способность выполнять научно-исследовательские пробы на орбите, фиксировать необычные явления.

Мы исследовали поверхность иллюминаторов корабля с целью изучения влияния микрометеоритной эрозии, снимали технические характеристики бортовых систем, проводили медико-биологические исследования, фотографировали Землю в различных диапазонах видимого спектра, наблюдали светящиеся частицы и динамику их перемещения.

Зачем? Решение всех этих проблем очень важно для создания в будущем долговременных обитаемых станций и поставки на них не только различных научных экспериментов, но и проведения практических работ народнохозяйственного значения. Судите сами: ведь мы наблюдали из космоса метеорологические явления, которые происходили в те дни над различными континентами планеты, фиксировали изменения снежной

обстановки в горных районах Советского Союза, видели лесные пожары.

Работали дружно, по уплотненному графику. Наши доклады Земля встречала с одобрением. Это придавало новые силы, бодрило.

Особенно взволновала теплая приветственная телеграмма руководителей партии и правительства нам, участникам группового полета трех космических кораблей «Союз».

Время летело незаметно. Встречая и провожая космические зори, мы вели счет виткам, вычисляли параметры орбиты, измеряли угловые расстояния между звездами и горизонтом Земли и Луны, определяли координаты и моменты прохождения нашего «Союза» над наземными ориентирами...

Признаюсь, постать я любитель. Возможно, потому, что ни в школе, ни в институте, ни на предприятии, где я работал после окончания МАИ, ни в Звездном городке, где проходил подготовку, не оставалось времени, чтобы как следует выспаться. Но здесь, на орбите, когда по распорядку наступали часы отдыха, я уходил в орбитальный отсек с некоторым сожалением. Разве для того, чтобы спать, так ждал встречи с космосом?

— Чтобы хорошо работать, нужно хорошо отдыхать, — назидательно говорит Виктор Горбатко.

— А что, плохо работаем? — обращаюсь я к Филипченко. Командир прекращает наш спор приказом: «Все равно спать!»

По-военному отвечаю: «Есть!» — и укладываюсь на диван.

На Земле мы привыкли к диванам и кроватям, раскладушкам и полкам в купе железнодорожных вагонов. В самолетах спят в полуоткинутых креслах, а в космических кораблях — в специальных спальных мешках на растяжках.

Нет, не подумайте, что это стальные канаты, которые натягиваются внутри корабля. Растяжки — это обыкновенные шелковые шнуры, на которые крепится спальный мешок к поручням орбитального отсека. Ложе в общем-то удобное, но, лежа на нем, непроизвольно ищешь и не находишь привычной опоры, поэтому занимаешь самые необычные позы.

Вот почему все предпочитали диван, на который укладываешься, пристегнувшись специальными резинками. Поскольку нас было трое, а диван — один, отдыхали на нем по очереди. Спал крепко, все надеялся увидеть какой-нибудь космический сон, но снов не было.

Поднимались бодрыми, хорошо выспавшимися, свежими. После контроля самочувствия и зарядки — завтрак.

Наше космическое меню?

Говяжий язык в желе, курица, антрекот, мясное пюре, паштеты, кофе, какао, фруктовые соки, кондитерские изделия, несколько сортов хлеба — столовый, рижский, бородинский. Все это мы не раз пробовали на Земле. К своему удивлению,

юзы» относительно центра масс при ориентации в заданном направлении, могли повернуть корабли относительно любой из осей, увеличить или погасить скорость, стабилизировать в нужном положении...

«Союз» — отличный корабль, большой, сложный, послушный и умный. Потребовалось бы очень много времени, чтобы подробно рассказать о его бортовых системах и устройствах.

Раскинув, словно крылья, панели солнечных батарей, тройка «Союзов» бороздила космос. Сотни тысяч километров шли мы вместе, можно сказать, рядом.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ЗЕМЛЯ — НАШ ПРИЧАЛ

Позади пять суток полета. Закончена наша программа. Все, что так скрупулезно записывалось в бортжурналы, имеет пометку «выполнено».

— Ну, что же, ребята, пора готовиться. На 80-м витке посадка, — говорит, не скрывая грусти, Анатолий Филипченко и, чуть помедлив, добавляет: «Как здесь ни хорошо, а дома лучше...» Мы привыкли к космосу, могли бы летать еще и еще, но соглашаемся с командиром.

За многие дни космической вахты мы успели обрасти колючей щетиной, конечно, соскучились по дому, по родным и друзьям. С этакой завистью вспоминали парилку в «Сандунах» и горячие наваристые щи... Но все это будет, и не один раз. А будет ли еще полет?

Все трое мы не раз толковали на эту тему, и у каждого в сердце заветная мечта — летать еще.

— Укладывайте аппаратуру, — напоминает Анатолий. — Да не забудьте чего-нибудь. Повнимательнее.

Мы с Виктором переносим из орбитального отсека в спускаемый аппарат кассеты, приборы, магнитофонные пленки и прочую рабочую амуницию. Все это нужно для науки. Результаты наших исследований и экспериментов, наблюдений и проб будут обрабатываться и анализироваться на Земле.

Наш корабль сравним с домом. В таких орбитальных домах есть все для груди и отдыха. Жаль, что на Землю возвращается лишь часть этой космической квартиры-лаборатории. Оставлять в космосе вторую половину нам очень не хотелось. Но все, что нужно, забираем с собой.

Кажется, все собрано и уложено. Да, но где же коробочка, в которой горсть земли с Малахова кургана? Ее привез сынишка, когда летом побывал в Севастополе с экскурсией из пионерлагеря. Я взял ее с собой в полет. Куда же она заделалась?

Втроем обшарили весь корабль, перебрали уложенную аппаратуру — тщетно. А времени в обрез, искать больше некогда. И тут, словно удовлетворившись своим раздосадованным видом, из-под кресла командира невозмутимо выплывает пропажа. Ну вот теперь — полный порядок.

Заняли свои места в спускаемом аппарате. В центре — Анатолий, мы с Виктором по бокам. Сорнентировали «Союз» по местной вертикали и по курсу. Включили программу спуска. Контролируем прохождение команд.

Заработала тормозная двигательная установка. Секунда, еще секунда, еще... Ведем отсчет времени. Спустил ровно 146 секунд произошло отключение двигателя. «Союз-7» перешел на траекторию полета к Земле.

Толчок. Это спускаемый аппарат отделился от орбитально-приборно-агрегатного отсеков. В иллюминаторе мелькнули части обшивки отделившегося отсека. Поняли, что разделение произошло нормально. Вступила в действие система управляемого спуска, которая разворачивает корабль так, чтобы изменением аэродинамического качества обеспечить посадку в заданном районе.

По мере погружения в атмосферу перегрузки плавно нарастали, но не превышали тех, к которым мы привыкли во время тренировок. Несколько изменился цвет стекла иллюминаторов. Это «шутки» бушующего за бортом огня. Мы видим языки пламени и знаем: температура там велика.

Слышим, как прозошел отстрел крышки люка парашютного контейнера. И сразу рывок напоминает о том, что вступил в действие тормозной парашют, а вскоре и основная парашютная система. Стало быть, до Земли около 10 километров.

Земли не видим, мешает облачность. Чувствуем, как раскачивается корабль. Это буйствует ветер. Погода в районе посадки была самой что ни на есть нелетной. Потом нам рассказывали, что снежные заряды задержали в Карагандинском аэропорту несколько экипажей Аэрофлота. Но вот в иллюминаторе появляется белый ковер заснеженной степи. Чуть в стороне — вертолет поисковой службы.

Включаются двигатели мягкой посадки. Мы на Земле. Расчетная точка нашей посадки в 155 километрах северозападнее города Караганды. Наш космический адрес, который совсем недавно звучал примерно так: страна — Вселенная, область — околоземная, город — орбита, дом — «Союз-7», теперь называется одним словом — Земля.

Буквально не прошло и минуты, как услышали, что кто-то снаружи пытается открыть крышку люка. Помогаем изнутри. Откинута крышка, и в кабину врывается студеной воздух. По очереди вылезает из корабля. Шутки, смех, объятия, от которых трещат кости, щелканье затворов фотоаппаратов, треску-

чее пение кинокамер заглушают басистый голос нашего командира Анатолия Филипченко:

— Не снимайте нас такими небритыми, ребята. И не истолкуйте превратно покачивание. Еще не успели поотвыкнуть от невесомости.

И, обхватив нас за плечи, добавляет мечтательно:

— В баньку бы сейчас, попариться.

Так, обнявшись, идем к вертолету.

Оказывается, к невесомости легче привыкнуть, чем отвыкнуть от нее. Когда смотришь на наш корабль со стороны, видишь распластавшийся рядом бело-оранжевый купол парашюта, чувствуешь под ногами твердь Земли, не верится, что еще недавно ты был там, среди звезд. Пять суток, проведенных в космосе, вдруг показались одним мгновением.

Несмотря на непогоду, город шахтеров — Караганда встретил нас очень тепло. После короткого отдыха, который ушел на то, чтобы побриться и переодеться, — традиционная пресс-конференция, наша первая на Земле.

Завязывается оживленная беседа. Вопросы самые разнообразные, порой неожиданные. Их много, но отвечать легко — в памяти свежи впечатления от полета.

Мы рассказали, как в составе трех кораблей парили над планетой, поддерживая между собой прямую связь, как наблюдали в иллюминаторы космический пилотаж своих товарищей. О съемках различных районов Земли, которые нужны геологам и географам. На наш взгляд, искать полезные ископаемые из космоса проще, да и дешевле, чем мерить Землю с рюкзаком и геологическим молотком за плечами.

Какой самый ответственный момент полета? Отвечает Анатолий Филипченко, но мы с Виктором Горбатко знаем, что он скажет: «Посадка». Весь экипаж в этот момент работал особенно напряженно. Корабль находился в тени Земли, нужно было выполнить множество операций, и каждая требовала исключительной четкости, точности и слаженности.

Спрашивают, какие звуки нас окружали там, на орбите? Что ж, слышно все, что происходит в корабле. Полной тишины, конечно, нет.

Многие, вероятно, видели телевизионную передачу с орбиты корабля «Союз-7». Я рассказал тогда, что, помимо выполнения своих прямых обязанностей бортинженера космического корабля, выполняю задание редакции «Красной звезды» как ее специальный корреспондент. Михаил Ребров, мой, так сказать, коллега по редакции, решает вовлечь меня в пресс-конференцию и в этом качестве. Лукаво улыбаясь, он интересуется, какой бы я задал вопрос космонавтам на Земле?

Действительно, какой?

— Пожалуй, без традиционного: «Как вы себя чувствовали

в космосе?» — не обойтись, — шутливо сочувствую журналистам.

Но прессу интересуют подробности. И мы рассказываем, как не могли оторваться от иллюминаторов, когда корабль вышел на орбиту, как устраивались на отдых, когда наступили часы сна. О своем отношении к космической пище, а главное — о работе.

— Каков итог полета?

Ответить коротко очень трудно. Трудно не только потому, что пять суток работы на орбите включали в себя обширнейшую программу исследований, но и потому, что сделанное надо осмыслить, проанализировать, обобщить. Кроме того, было бы неверно рассматривать отдельно эксперименты и исследования на борту «Союза-7» без учета сделанного нашими товарищами на «Союзе-6» и «Союзе-8» и того, что проделано наземными службами командного комплекса по управлению, связи и координации полета.

И все-таки если коротко подытожить работу нашего экипажа за 5 суток космического полета, то это прежде всего ценнейшая информация о возможностях человека в космосе. Информация не только в теоретическом, но и сугубо практическом плане.

Хочется сказать опромное спасибо создателям чудо-техники века — космических кораблей «Союз», всем тем, кто обеспечивал полет с Земли. Наша заслуга лишь в том, что мы опробовали возможности этой техники в реальных условиях полета.

Мы счастливы, что советский народ, Коммунистическая партия оказали нам великое доверие, послав в этот орбитальный полет. Все дни, в течение которых находились на околоземной орбите, мы чувствовали не только огромную ответственность за порученное нам дело, но и тепло сердец советских людей. Оно согревало нас и придавало нам силы.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

«ЭФИРНЫЕ ГОРОДА»

Мы снова на Байконуре. Наша семерка в полном сборе. Докладываем Государственной комиссии о проделанной работе, отвечаем на вопросы конструкторов и ученых. И снова врачебные осмотры, медицинские обследования. Заключение для всех одно — здоровы. А потом: прощание с космодромом, теплая встреча с москвичами, незабываемый прием в Кремлевском Дворце съездов, пресс-конференция в МГУ...

У меня в руках золотая медаль имени К. Э. Циолковского, человека, чьи мысли и дела были устремлены в космос. Вспоминаю его знаменитые слова о «горах хлеба» и «бездне могу-

щества», которые Константин Эдуардович мечтал дать человечеству, его планы «завоевания межпланетных пространств».

Наш полет приблизил осуществление мечты ученого. На «Союзах» прошли проверку многие конструктивные решения, которые так важны для строительства «эфирных городов». Встреча пилотируемых кораблей в космосе, стыковка, создание первой экспериментальной орбитальной станции, переход из корабля в корабль — все это уже опробовано.

В многосуточном полете трех «Союзов» были успешно решены качественно новые задачи, связанные с созданием пилотируемых орбитальных космических систем и отработкой взаимодействия кораблей при широком маневрировании на околоземных орбитах. Эксперименты по сварке, автономная навигация, ручное управление, научные исследования и технологические операции...

Сегодня можно твердо сказать, что трудности преодолимы и для техники, создающей крупные орбитальные станции долговременного действия, и для людей, которые займут места в этих внеземных лабораториях. Таков общий вывод, опирающийся на все, что достигнуто космонавтикой сегодня.

«Эфирные города» позволят решать многие кардинальные вопросы физики, астрономии, энергетики и наряду с этим использовать космическое пространство для практических нужд человечества. Освоение космоса поможет людям Земли разумнее использовать богатства нашей планеты и поднять на новую ступень развитие метеорологии, связи, геологии, сельского и лесного хозяйства, морского рыболовства, геодезии, океанографии...

Нет, это не далекие прогнозы. Совместный полет трех пилотируемых кораблей подвел в определенной степени практический фундамент под новые космические свершения. Они будут. Ведь покорение океана Вселенной столь же неизбежно, как и восход Солнца.

И разве не закономерно, что именно советские люди, люди великой страны, прокладывающей путь в грядущее — в коммунизм, стали первопроходцами в покорении безбрежных просторов космоса.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

СОДЕРЖАНИЕ

Первый шаг	5
Байконур	8
Нас осталось пятеро	9
Навсегда в памяти	11
Ночь перед стартом	12
Остается 2 часа	13
Строки из дневника	15
«Ну, поехали!»	16
Вот ты какой, космос!	19
Цена надежды	20
Просто работа	21
Встреча	23
Земля — наш причал	24
«Эфирные города»	28

ВОЛКОВ Владислав Николаевич
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ОРБИТ
Редактор М. РЕБРОВ

Художник А. Шульц.   Технический редактор Л. Мурашова.

Г-78762   Сдано в набор 30.12.69 г.   Подписано к печати 19.1.70 г.

Формат бумаги 84×108^{1/2} 1 п. л. = 1,68 усл. п. л. Цена 5 коп. Дан. 7990

Типография «Красная звезда»; Хорошевское шоссе. 38.

